Папян Андроник Варданович

аспирант

Научный руководитель

Лекаренко Оксана Геннадьевна

д-р ист. наук, доцент, профессор

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский

Томский государственный университет»

г. Томск, Томская область

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ АРМЯНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ДИСКУССИЯ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «АРАЧ» (1925 г.)

Аннотация: *в статье рассматривается дискуссия о связи языка и национальной принадлежности в армянской эмиграции во Франции на материале первых 65 номеров парижской газеты «Арач» (1925 г.). На основе сопоставления редакционных статей, авторских публикаций и писем читателей выявлены аргументы, связывавшие языковой выбор с памятью о массовых убийствах, депортациях и изгнании армян в 1915 году. Показано, что армянский язык воспринимался как наследие утраченной родины, отказ от турецкого – как долг перед погибшими, а распространение французского – одновременно как условие адаптации и риск ассимиляции. Вместе с тем часть участников дискуссии допускала сохранение национальной принадлежности без владения армянским языком. Выявлено отсутствие единого представления о языке как обязательной границе армянской идентичности.*

Ключевые слова: *историческая память, армянская эмиграция, национальная идентичность, армянский язык, турецкий язык, французский язык, армянская диаспора Франции, газета «Арач».*

Ещё до 1915 года многие армяне Османской империи, особенно в Киликии и ряде областей Анатолии, говорили в повседневной жизни по-турецки, а для

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

некоторых он был родным языком. Пережив массовые убийства, депортации и изгнание, многие из них оказались во Франции, где продолжали использовать привычный язык общения [5; 8, p. 35]. Французский же приходилось осваивать для жизни в новой стране. В этих условиях парижская газета «Арач» (арм. «Յառաջ» – «Вперёд»), основанная Шаваршем Мисакяном в августе 1925 года [2, p. 15; 5], уже в первом номере назвала армянский язык «единственным драгоценным наследием» эмиграции [7, №1, 2 авг.]. На страницах газеты родной язык становится важнейшим признаком национальной принадлежности и средством сохранения памяти о родине и погибших. Турецкий связывают с гонителями и утратой национальной самобытности, а во французском, несмотря на его необходимость, видят угрозу ассимиляции. Таким образом, обсуждение повседневной речи превращается в спор о сохранении армянского языка и его роли в национальной идентичности. В статье рассматривается, как эти представления складывались в редакционных статьях, авторских публикациях и письмах читателей и в чём их взгляды расходились.

Исследование основано на первых 65 номерах газеты «Арач» (2 августа – 30 декабря 1925 года). Впоследствии, став первой армяноязычной ежедневной газетой в Европе, «Арач» сыграла значительную роль в общественной и культурной жизни армянской диаспоры Франции. На её страницах публиковались известные армянские писатели, интеллектуалы и общественные деятели, обсуждались вопросы, связанные с жизнью беженцев, сохранением языка и национальной идентичности. Газета служила не только источником информации, но и площадкой для общественных дискуссий, в которых участвовали редакция, авторы публикаций и читатели. Поэтому её материалы позволяют проследить различные представления о роли языка в жизни армянской общины, хотя и не могут рассматриваться как отражение взглядов всей диаспоры.

В публикациях «Арач» вопрос о языке становился вопросом о национальной принадлежности: можно ли оставаться армянином, утратив армянскую речь? Этот спор затрагивал проблему этнических границ, описанную Ф. Бартом: общность сохраняется не благодаря неизменности языка, обычаев или дру-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

гих культурных признаков, а благодаря поддерживаемому различению «своих» и «чужих» [1, p. 14–15]. Слова «туркоязычный», «вырождение» и «самость» (ինքնութիւն) были частью самого спора – категориями практики, по определению Р. Брубейкера, с помощью которых участники дискуссии определяли, какое поведение соответствует армянской принадлежности [3]. Аргументы о языке опирались и на память о прошлом: авторы говорили о «резне» (ջարդ), «кровавых банях» и «мучениках», связывая выбор языка с памятью о погибших.

На страницах «Арач» армянский язык предстаёт не просто одним из признаков национальной принадлежности, а наследием, вынесенным «из нашей разорённой страны» [7, №13, 30 авг.], которое необходимо хранить «как живое звено и основу национального существования» [7, №3, 7 авг.]. С ним связывали память о родине и само существование народа, а его утрату воспринимали как угрозу национальной самобытности. При этом язык становился не только признаком принадлежности, но и мерилом поведения: говорить по-армянски считалось «элементарным условием благовоспитанности» [7, №3, 7 авг.], тогда как отказ от национальной самости назывался «невоспитанностью» [7, №10, 23 авг.; №32, 14 окт.]. Таким образом, даже выбор языка в повседневной речи приобретал нравственное и национальное значение.

Особенно остро вопрос использования турецкого языка вставал в связи с памятью о погибших. Один из корреспондентов называл употребление турецкого «оскорблением памяти миллиона мертвецов», а другой, из Лиона, упрекал молодых армян, которые «словно забыли… ссылку и резню» [7, №3, 7 авг.; №29, 7 окт.]. В подобных высказываниях отказ от турецкого языка представлялся не просто языковым выбором, а долгом перед погибшими. Редакция, в свою очередь, подчёркивала личную ответственность армян за сохранение родной речи. В передовой статье «Каток» она задавалась вопросом: «Кто заставляет нас говорить здесь по-турецки?» [7, №10, 23 авг.]. Таким образом, обращение к памяти о прошлом сочеталось с требованием изменить привычную языковую практику.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Использование турецкого языка затрагивало и проблему восприятия армян окружающими. В одном из фельетонов «Арач» ребёнка в школе называют «турком» [7, №12, 28 авг.], а в другой публикации полицейский принимает армянский язык за диалект турецкого [7, №24, 25 сент.]. Против подобного отождествления выступала и редакция газеты. В передовой статье «Мы не турки» она протестовала против обозначения беженцев как лиц «турецкой национальности» (de nationalité turque) в их удостоверениях [7, №40, 1 нояб.]. Современная исследовательница Талар Шахинян рассматривает этот протест как отказ армян отождествлять себя с теми, кого они считали виновниками гибели своего народа [4]. Таким образом, стремление отказаться от турецкой речи внутри общины сочеталось с сопротивлением отождествлению армян с турками извне. В обоих случаях вопрос языка оказывался тесно связан с определением национальной принадлежности.

При этом отношение к туркоязычным армянам не было однозначным. Е. Асатур различал «несчастных, рождённых туркоязычными» и «целую армию добровольных тюркоязычных» [7, №24, 25 сент.]. Первых он оправдывал обстоятельствами их жизни, тогда как вторых осуждал за сознательное предпочтение турецкого языка армянскому. Таким образом, туркоязычность не всегда воспринималась как добровольный отказ от родного языка: значение имели обстоятельства, в которых человек усвоил турецкий, и его последующий языковой выбор.

Французский язык вызывал другие опасения. В отличие от турецкого, он не связывался с памятью о гонителях, но его распространение в общине воспринималось как возможный путь к ассимиляции. Редакция обращалась к истории армян Галиции и Польши, растворившихся в иноязычной среде, а пересказ статьи французского арменоведа Фредерика Маклера озаглавила вопросом «Неужели и мы станем как они?» [7, №32, 14 окт.]. Угрозу видели в постепенной ассимиляции (ձուլում) через школу и повседневную жизнь [7, №10, 23 авг.]. При этом газета поддерживала изучение французского, поскольку знание языка страны считалось «одним из главных условий успеха» [7, №2, 5 авг.]. Обсужда-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

лось и создание специальных армянских школ, которые должны были в том числе готовить детей к обучению в государственных учебных заведениях [7, №29, 7 окт.]. Таким образом, опасения вызывало не само изучение французского, а постепенное вытеснение им армянского языка. Один из читателей осуждал тех, кто «сверх меры вставляет французские слова» [7, №10, 23 авг.]. Подобное стремление сохранить чистоту армянской речи, которое исследователи связывают с поздним литературным пуризмом Мисакяна [5], проявлялось на страницах газеты уже в 1925 году.

Однако не все участники дискуссии считали владение армянским языком обязательным условием национальной принадлежности. В письме в редакцию Миричан Минасян объяснял распространение турецкого языка условиями жизни небольших армянских общин Османской империи, где опасались нанимать учителей. При этом, по его мнению, армяне «сохранили наше имя… ничего не потеряв… кроме языка» [7, №30, 9 окт.]. Похожий пример приводил корреспондент из Ле-Крёзо, где армянская община была «в целом туркоязычна, но любит свой народ». В подобных высказываниях утрата родного языка не означала утраты национальной принадлежности. Таким образом, разногласия касались не самой необходимости сохранять армянскую идентичность, а того, насколько владение языком было обязательным её условием.

Анализ публикаций «Арач» за 1925 год показывает, что обсуждение повседневной речи было тесно связано с представлениями о национальной принадлежности. Армянский язык воспринимался как наследие утраченной родины и основа сохранения национальной самобытности. Турецкий связывали с памятью о гонителях, а французский, необходимый для жизни в новой стране, одновременно вызывал опасения ассимиляции. При этом память о резне становилась одним из нравственных аргументов в пользу отказа от турецкой речи. Однако участники дискуссии расходились в понимании роли языка: одни считали владение армянским необходимым условием национальной принадлежности, тогда как другие допускали сохранение армянской идентичности даже после его утраты. Таким образом, спор касался не только выбора языка, но и самого по-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

нимания того, что значит оставаться армянином в эмиграции. Вместе с тем эти выводы отражают лишь позиции, представленные на страницах газеты, и не позволяют судить о взглядах всей армянской общины Франции.

Список литературы

1. Barth, F. Introduction / F. Barth // Ethnic groups and boundaries : the social organization of culture difference / ed. by F. Barth. – Bergen ; Oslo : Universitetsforlaget ; Boston : Little, Brown and Co., 1969. – P. 9–38.

2. Beledian, K. Fifty years of Armenian literature in France / K. Beledian ; transl. by Ch. Atamian ; ed. by B. Der Mugrdechian. – Fresno : The Press at California State University, 2016.

3. Brubaker, R. Ethnicity without groups / R. Brubaker // Archives européennes de sociologie. – 2002. – Vol. 43, No. 2. – P. 163–189.

4. Chahinian, T. Stateless : the politics of the Armenian language in exile / T. Chahinian. – Syracuse : Syracuse University Press, 2023. – 312 p.

5. Dalalyan, T. La standardisation et le développement de l'arménien occidental dans le journal Haratch : quelques observations / T. Dalalyan // Études arméniennes contemporaines. – 2023. – No. 15. – P. 201–208.

6. Garabed, M. Le journal Haratch | Յառաջ de 1925 à 1930, un maillon entre la France et sa communauté arménienne : histoire, société et anecdotes / M. Garabed // Le Carreau de la BULAC. – 2024. – (date of access: 17.10.2026). – Текст : электронный. – 2024. – URL: https://bulac.hypotheses.org/55541. – Текст : электронный.

7. Haratch [Յառաջ] : газета. – Paris, 1925. – URL: https://tert.nla.am/mamul/Haraj-1925/1925.html. – Текст : электронный.

8. Huard, J. -L. La présence arménienne dans l'entre-deux-guerres dans la région Rhône-Alpes / J.-L. Huard / J. Huard / J. Huard // Hommes et Migrations. – 2007. – No. 1265. – P. 34–52.

9. Kansteiner, W. Finding meaning in memory : a methodological critique of collective memory studies / W. Kansteiner // History and Theory. – 2002. – Vol. 41, No. 2. – P. 179–197.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

10. Kunth, A. Le refuge arménien et sa double représentation : dans les méandres des anciens offices (1919–1945) / A. Kunth // Réfugiés et apatrides : administrer l'asile en France (1920–1960) / sous la dir. de A. Angoustures, D. Kévonian, C. Mouradian. – Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2017. – P. 65–80.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)